

В. Ф. Ходасевич

Научный камуфляж. -- Советский Державин. -- Горький о поэзии

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Было бы весьма несправедливо утверждать, будто большевики не уважают науки. Напротив, они не только ее уважают, но и поклоняются ей, как идолу. Это поклонение чрезвычайно слабо, наивно, даже дикарски мотивируется; оно представляет собою одну из частных их марксистского мировоззрения; однако самая наличность такого поклонения несомненна; фанатическим, каннибальским изничтожением ученых, мыслящих немарксистски, она не опровергается, а лишь подтверждается. Поэтому большевики до известной степени даже правы, когда утверждают, что ни в одной стране науке не предоставлены столь широкие возможности и не обеспечена столь могущественная поддержка со стороны государства, как в СССР. Дело все только в том, что для получения этих возможностей и этой поддержки наука либо должна быть действительно "марксистски подкована на все четыре ноги" -- либо, на худой конец, такой притвориться. Само собой разумеется, -- в первом случае результаты научной работы оказываются равны нулю, а во втором они бесконечно ниже, чем были бы, если бы самая работа протекала в нормальных условиях свободы и независимости. Кое-что все-таки удастся делать и камуфлированной науке, более или менее успешно притворяющейся, будто она и впрямь пропиталась идеями Маркса и Ленина. По причинам, которые не нуждаются в пояснении, камуфляж особенно труден в области знаний гуманитарных. Однако и тут советские ученые научились прятать концы в воду и под видом науки марксистской заниматься наукой просто. В частности, ухитряются продолжать свою деятельность историки и историки литературы. Это им не легко дается. Огромное количество времени и труда (не говорю уже об укорах совести) они затрачивают на бессодержательные статьи, проникнутые "марксистским подходом". Однако под этим надежным прикрытием протаскивают они сквозь коммунистическую цензуру работы действительно полезные. Таковы, в особенности, работы по переизданию классических произведений иностранной и русской словесности, а также архивные разыскания.

Как именно производится камуфляж, на каких большевицких свойствах он основывается, что при этом теряется и что выигрывается, можно хорошо увидеть на примере той "Библиотеки поэта", которая начала выходить недавно и о которой вкратце сообщалось у нас в "Литературной летописи".

Произведения многих замечательных или выдающихся русских поэтов давно нуждались в переиздании. Еще до войны исчезли с книжного рынка сочинения Боратынского, Дельвига, Рылеева, Полежаева, Дениса Давыдова и т.д. Их можно было найти почти только у букинистов, по произвольным ценам, в ограниченном количестве и сверх того в устарелых изданиях, слишком неполных и текстологически несовершенных. Академическое издание Державина было слишком громоздко и по цене недоступно. Словом, повторяю, необходимость переиздания давно назрела, и совершенно естественно, что среди поэтов и историков литературы, живущих в России, возникла мысль к такому переизданию приступить. Для осуществления этого замысла было необходимо получить от большевиков разрешение и материальные средства, что, разумеется, невозможно, если большевики не будут заинтересованы в предприятии. По этой части у оставшихся в России деятелей науки и литературы давно сложился известный опыт. Большевики охотно идут навстречу культурным начинаниям при соблюдении трех условий: во-первых, самое начинание должно быть хотя бы сколько-нибудь им полезно в агитационном отношении; во-вторых, оно должно быть задумано широко, громоздко, в большом масштабе; в-третьих, следует сделать так, чтобы кто-нибудь из крупных большевиков казался его вдохновителем и руководителем, -- иными словами, чтобы тут же создалась для такого большевика новая синекура.

Следы такой организации дела совершенно явственно проступают и в "Библиотеке поэта". На переиздание просто нескольких выдающихся авторов они не пошли бы. Державины и Денисы Давыдовы им не нужны, отчасти даже противны. Но если к Державину и Денису Давыдову присоединить всевозможную стихотворную заваль, если извлечь из забвения давно похороненную революционную и подпольную литературу, если придать, таким образом, минувшей русской поэзии такой колорит, каким